

ПЕРЕ Полина Сергеевна / PERE Polina

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
polina.pere@mail.ru

**О НОВОЙ СЕВЕРНОЙ ПРОЗЕ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ГОЛОМЯНОЕ
ПЛАМЯ» Д. Г. НОВИКОВА**

**ON THE NEW NORTHERN PROSE: A CASE OF DMITRY NOVIKOV'S NOVEL
*GOLOMYANOE PLAMYA***

Abstract: The article presents a literary study description of a contemporary literature trend called the New Northern Prose. The main principles of the new northern prose are characterised and illustrated with examples from the novel *Golomyanoe Plamy* by Dmitry Novikov. The study reveals, f. ex., such principles of the new northern prose as the continuity of the traditions, the emphasis on preserving the heritage of the ancestors, the study of man, the belief in the North which changes any person who visits it and the adherence to realism as the artistic method of the New Northern Prose. The latter's artistic world is constructed in accordance with the geographical, cultural, social and linguistic coordinates of the North. The New Northern Prose extends its limits thanks to the synthetic method.

Ключевые слова / Keywords: Новая северная проза, северный сверхтекст, неотрадиционализм, Александр Бушковский, Яна Жемойтелите, Ирина Мамаева, Дмитрий Новиков / The New Northern Prose, the northern supertext, neotraditionalism, Aleksandr Bushkovskiy, Jana Zhemoytelite, Irina Mamaeva, Dmitry Novikov.

Манифест новой северной прозы был провозглашён карельскими писателями Дмитрием Новиковым, Яной Жемойтелите, Ириной Мамаевой и Александром Бушковским в 2013 г. С этого события ведёт свой отсчёт история направления, с каждым годом прирастающего новыми именами и произведениями. Данный манифест представляет собой вербализованный документ, и его фундаментальные установки, в различной мере воплотившиеся в произведениях писателей направления, сводятся к нескольким ключевым положениям. На последних мы здесь и сосредоточим внимание, проиллюстрировав их примерами из романа «Голомяное пламя» Д. Новикова с привлечением дополнительного материала из произведений других авторов новой северной прозы (А. Бушковского, Я. Жемойтелите, И. Мамаевой). Предметом настоящего исследования, таким образом, является репрезентация сформулированной в манифесте идеологии новой северной прозы, в тексте одного из произведений её вдохновителя.

К настоящему моменту предпринималось несколько попыток систематизировать и описать явление новой северной прозы, как в публицистике, так и в научных работах отечественных исследователей. К примеру, в трудах литературоведов И. Н. Ивановой, Л. И. Мальчукова, А. С. Сазоновой, в материалах карельских журналистов В. И. Калачевой, Н. Мешковой, а также в произведениях и интервью самого

Д. Г. Новикова. Цель данной статьи — выявить релевантные положения новой северной прозы в одном из ключевых текстов. Для достижения поставленной цели в работе определяются характерные признаки этого литературного явления, и через систематизацию положений, научных и публицистических высказываний о новой северной прозе делается попытка установить её родственные связи с предшествующими литературными направлениями.

Актуальность настоящей работы обуславливается всё возрастающей популярностью произведений новой северной прозы, а в связи с этим и накоплением художественного и научного материала по теме.

Роман «Голомяное пламя» увидел свет в 2016 г. Повествование охватывает несколько временных периодов: XVI в., XVII в.; 1913—1935 гг.; 1973—1980 гг.; 2003—2005 гг. В полной мере представлен в ткани романа местный колорит Русского Севера: географию романа составляют город Петрозаводск, посёлок Пряжа, сёла Кереть и Сумской Посад, урочища Кювиканда и Гремуча, село Кола Мурманской области, упоминаются события на Карельском фронте, волей судьбы оказываются герои и в Вологодской области.

В таком эпическом по охвату материала романе сложно говорить о наличии главного героя, на страницах романа разворачивается жизнь поколений. Фрагменты и детальные описания жизненных историй нескольких семей Гриши, Фёдора, рассказчика, православного священника, монаха Варлаама Керетского, их окружения и знакомых собираются в общее полотно — о человеке на Севере.

Новиков, идеолог новой северной прозы, в предисловии к сборнику А. Бушковского «Радуйся!» (2013 г.) так описал миссию направления: «и пусть сейчас тяжёлое время для русской литературы, есть свет, есть надежда, что... она сохранит свои главные основополагающие принципы — честность, веру, красоту. И как хорошо, что принципы эти полностью укладываются, соответствуют старому и новому, живому, терпеливому, крепкому направлению — русской северной прозе!»¹.

Полагаем, акцентируя внимание на «русской северной прозе», писатель подчёркивает преемственность традиций в отечественном литературном процессе. Данную особенность всей «северной литературной традиции» отмечает и Е. Ермолин, который в предисловии к «северному» номеру журнала «Октябрь», посвящённому современной литературе Русского Севера, называет истоками этой литературы

¹ Новиков Д. Г. Предисловие // Бушковский А. С. Радуйся! : повесть и рассказы. Петрозаводск, 2013. С. 4.

«поморский, олонекский, печорский фольклор и духовную словесность»². В данном номере журнала был опубликован роман «Голомяное пламя». В произведении, безусловно, прослеживаются упоминаемые критиком фольклорные и духовные традиции, которые становятся для автора объектом пристального изучения и художественного осмысления.

Новой северной прозе в целом присуще трепетное отношение к истории, памяти и наследию предков — как семейному, так и связанному с малой родиной, гордость за богатство древних традиций и желание поведать об этом наследии читателю: «В своё время, мы все знаем об этом, драгоценные сокровища русского литературного творчества были сохранены именно на Севере. Былины, предания, плачи и жития, утраченные во всей стране, были восстановлены благодаря северянам, жителям Заонежья и Поморья, нашим предкам»³. В романе Новикова «Голомяное пламя» автор акцентирует внимание на сохранении кладезя народной мудрости: «В предыдущих походах я бывал много раз поражён в самое сердце и душу красотой здешних мест, культурой и мудростью местных стариков, живым и великим поморским языком, многие слова которого в других областях расселения русских людей уже неизвестны и даже в словаре Даля упоминаются как устаревшие. Здесь же, и это поразило меня, они по-прежнему были в общем употреблении и удивляли каким-то древним веянием, словно исходившим от истоков зарождения русской цивилизации. Много выслушал здесь я и легенд, былин, сказок и песен»⁴. Однако в XXI в. писатели против своей воли становятся в большинстве случаев свидетелями лишь упадка и опустения родных мест, поэтому в романе Новикова герои отмечают повсеместно оскудение деревень и сёл, как, например, рассказчик с братом наблюдают на месте процветавшей деревни «останки домов, еле угадываемые в высокой густой траве, разнузданно расцвеченной жёлтыми, синими, белыми пятнами роскошных луговых цветов. Лежат на погосте старые поморские кресты, сквозь белёсое древнее дерево которых проросла многолетняя брусника»⁵.

Установкой на сохранение наследия в памяти поколений до новой северной прозы характеризовалось и творчество писателей так называемой «деревенской прозы». Как отмечает Иванова, «исторически Россия сформировалась и существовала в течение многих веков как страна аграрная, крестьянская, деревенская»⁶. Продолжением этой

² Ермолин Е. Ночи и дни окном на полюс // Октябрь. 2016. № 7. С. 4.

³ Новиков Д. Г. Предисловие. С. 4.

⁴ Его же. Голомяное пламя // Октябрь. 2016. № 7. С. 72.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Иванова И. Н. Деревенская проза в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка? // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 2 ч. Тамбов, 2013. № 6 (24). Ч. I. С. 88.

богатой традиции в русской культуре стали произведения представителей деревенской прозы, для которых «деревня — это аналог национального бытия, народной жизни, это связь с историческим прошлым, “памятью земли”»⁷. «Деревенщики» позиционировали себя в качестве заступников «традиционных нравственных ценностей»⁸. Деревня, оплот и хранительница традиционных ценностей, в идеологии «деревенщиков» противопоставлялась городу с его укладом, бездуховным и безнравственным.

Новая северная проза проводит грань по схожим противопологаемым установкам, видоизменяя смысловое наполнение: «свобода» — «город», «духовность» — «растленность», «движение» — «стагнация», «традиции» — «индивидуализм» и др. Эти идеи выводятся в подтекст, неброско, но настойчиво утверждаются авторами. К примеру, в романе Новикова «жизнь в городе быстро отучает от нормальных отношений»⁹, от «мутной социальной жизни», ставшей «совсем невыносимой»¹⁰, Гриша сбегает на Север лечить душу. Так, и герой рассказа Бушковского «Мама» родом из деревни — предположим, родной Спасской Губы. Там до сих пор живут его, как и самого автора, родители и вышедшие на пенсию учителя. В «захолустном» городке, куда герой привозит мать в больницу, врача не дожидаться. Стойкая волевая женщина возвращается домой, понимая, как и герои Мамаевой в повести «Земля Гай», где её истинное место¹¹.

В упоминаемом Новиковым аспекте «честности» принципы новой северной прозы, на наш взгляд, в определённой мере близки феномену «новой искренности» в современной культуре или, осмелимся предположить, выстраивают себя в соответствии с ним. Искренность новой северной прозы проявляет себя, в первую очередь, в правдивом и беспощадном изучении человека. Продолжая традиции предшественников, названных Новиковым «старой северной прозой», писатели новой северной прозы сохраняют «симпатию и сочувствие к герою»¹². Так, сам Новиков утверждает, что пишет, в первую очередь, о человеке, человеке Севера: «мне нравятся северные русские люди. Это ведь та смесь народов — русских, карелов, москвичей, новгородцев, — из которой Север выковал идеальный русский характер»¹³.

⁷ Гурьялова В. В. «Деревенская проза» в творчестве Бориса Жилина // Вестник АГТУ. Астрахань, 2006. № 5 (34). С. 146.

⁸ Иванова И. Н. Деревенская проза в современной отечественной литературе. С. 89.

⁹ Новиков Д. Г. Голомяное пламя. С. 69.

¹⁰ Там же. С. 53.

¹¹ Бушковский А. Два рассказа [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2016/7/dva-rasskaza.html> (20.09.2017).

¹² Новиков Д. Г. Предисловие. С. 4.

¹³ Его же. В сетях Твоих. Петрозаводск, 2012. С. 3—4.

Герои произведений — люди Севера: по происхождению или по любви. Поморы, карелы, коми — старшее поколение, но героями, за чьей нелёгкой судьбой наблюдает читатель, оказываются в большей степени их потомки, дети и внуки. Это дед Гриши и старик Савин в «Голомяном пламени» или, например, поморка Марьяна из сказки-были «Мир в чугулке» Жемойтелите, баба Лена и дед Андрей в «Глазах леса» Новикова.

Вера в Север, меняющий любого посетившего его человека, лейтмотивом проходит в прозе северян. Так, дед Гриши у Новикова, приехавший в карельскую деревню, где прожил всю жизнь, полюбил Север и эту теплоту к месту и природе передал мальчику. Или, как пишет Новиков, обобщая: «Кто не здоров — тот болен, не может быть в стране людей нормальных с не вылеченной Севером душой»¹⁴.

Приведём здесь рассуждения Яны Жемойтелите, охарактеризовавшей новую северную прозу так: «Она обнажает главную черту северного менталитета — с одной стороны, большая душевная хрупкость, а с другой — замкнутость человека в себе»¹⁵. В романе Новикова читаем: «На Севере всегда так — никто сразу не кинется к тебе с распростёртыми объятиями. Но и не отвергнет напрочь. Сначала присмотрится, перекинется парой слов. И, мудрый, поймёт, не скроешься, — что ты за человек. В этом тайна пронзительных голубых глаз — насквозь, прямо в душу могут смотреть поморы. Неуловимое чутьё на людей есть у них»¹⁶.

Мир человека на Севере, связь с родным краем и самоидентификация героя волнуют писателей этого направления. Северная природа оказывается, по наблюдениям исследователя И. Н. Ивановой, «одухотворённой, одушевлённой, имеющей личность, фактически замещающей Бога или представляющей Его»¹⁷. В то же время нам не близка категоричность приведённого утверждения, так как в романе «Голомяное пламя» Север и природа не замещают Бога, но наоборот, очищают и освобождают человека от сора «воли чужой», где «жизнь его, смерть его лишь от Бога да самого человека зависит, и нет никого между ними, лишь Бога внутри себя слушает человек, и нет удержания его свободному, правильному пути. Край между светом и тьмой, и пусты здесь любые словеса, любые козни — ты прозрачен, и прозрачны другие перед тобой»¹⁸.

Однако часто Новиков прибегает к приёму одушевления не только природы, но и вещественного мира: «Вот там деревня и стояла, рядом со всем этим. Вернее, не стояла,

¹⁴ *Его же*. Голомяное пламя. С. 59.

¹⁵ Цит. по: *Калачева В.* Новая северная проза как неизбывная реальность [Электронный ресурс]. URL: <https://gazeta-licey.ru/blogs/valentina-kalacheva/48870-novaya-severnaya-proza-kak-neizbyivnaya-realnost> (13.06.2017).

¹⁶ *Новиков Д. Г.* Голомяное пламя. С. 98.

¹⁷ *Иванова И. Н.* Северный текст в современной отечественной прозе: версия Дмитрия Новикова // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1—2. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20220> (12.06.2017).

¹⁸ *Новиков Д. Г.* Голомяное пламя. С. 95.

а сбегала, как девушка нарядная, с горки к воде. <...> Осенью же поздней да зимой деревня, как старуха с горы, ковыляет, кривыми домами под тяжестью снега пригибается»¹⁹. Литературоведы И. Н. Иванова и А. С. Сазонова также обращают внимание на «мифологизацию и символизацию пространственных образов»²⁰ и их противопоставление. Справедливым представляется и вывод: «...пространственность здесь выступает как то начало, которое обуславливает зарождение и смысл художественного текста»²¹, так как произведения новой северной прозы мы относим к тексту русской литературы, порождённому Севером.

Произведения не только Новикова, но и Жемойтелите, Бушковского — во многом диалог авторов с предшественниками и самими собой. Так, через последовательно реализованный приём самоцитации Новиков акцентирует внимание читателя на ключевых идеях в романе «Голомяное пламя». Писатель цитирует идеи, образы и целые части текста. Например, из сборника 2012 г. «В сетях Твоих» в десятую по счёту главу романа вошёл рассказ «Другая река». Рассказ же «Беломор» был разделён на две части и появился в одиннадцатой и тринадцатой главах под названиями «2005 год, с. Кереть» и «2005 год, Летние озёра», отражающими место действия, а часть сборника, именуемая «Вместо послесловия. Новые поморские сказы имени Шотмана, или мифы “нового реализма”», стала пятнадцатой главой в романе под заглавием «1975, Петрозаводск». Авторский свертхтекст Новикова и авторские свертхтексты других писателей, составляющие в итоге новую северную прозу, отнесём к локальному свертхтексту в классификации А. Г. Лошакова, а именно северному тексту русской литературы, определяемому А. Н. Копцовым как «пример культурно и исторически закрепившегося регионального метатекста, который представлен рядом автономных текстов и предстаёт как связанное концептуальное поле»²².

Е. Ш. Галимова выделяет в определении северного текста важную культурную составляющую. Северный текст в понимании литературоведа — это «создававшийся преимущественно на протяжении столетия (с рубежа XIX—XX веков до наших дней) в творчестве многих русских писателей северорусской вариант национальной картины

¹⁹ Там же. С. 23.

²⁰ Иванова И. Н., Сазонова А. С. Геопоэтика «новой северной прозы» в современной отечественной литературе [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoetika-novoy-severnoy-prozy-v-sovremennoy-otechestvennoy-literature> (17.06.2017).

²¹ Там же.

²² Копцов А. Н. Поэтика северного текста русской литературы в рассказах А. С. Серафимовича 1889—1890-х годов // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 6. С. 77.

мира»²³, наделённый как индивидуально-авторскими, так и типологическими особенностями.

Художественный мир произведений новой северной прозы выстраивается в географических, культурных, социальных и даже лингвистических координатах Севера — локуса, вокруг которого выстраивается весь северный текст, а цель писателей направления, «вернуть провинции в литературу»²⁴, позволяет северному сверхтексту русской литературы пополнить свою сокровищницу интересными художественными решениями.

Так, традиционно писатели вводят в канву произведения язык народа, а именно разговорный язык, местные языки, к примеру карельский. Однако Новиков идёт дальше, органично вписывая в канву повествования романа русский разговорный язык, карельский, саамский язык и «поморскую говорю», передающие мудрость предков («ульнёшь в няшу — не отмоешься потом»²⁵), местный колорит («широкие лыжи, подбитые камусом, позволяли с лёгкостью бегать по сугробам...»²⁶) и особенности народного быта («там рыбачили серьёзно, ставили сети и катиски, удочки же брали с собой больше для забавы»²⁷).

Северный локальный (региональный) текст русской литературы наравне с уральским, сибирским и другими сверхтекстами представляет собой интересный объект изучения, активно разрабатываемый в отечественном литературоведении. В процессе научного познания этого явления вырабатывается методология изучения северного текста, поэтому, на наш взгляд, анализ типологических особенностей новой северной прозы и других литературных произведений, составляющих северный сверхтекст, оказывается перспективным направлением современной литературоведческой науки.

Обращаясь к объекту нашего исследования, выделим в качестве одного из основополагающих принципов направления «представление о Севере как о территории испытания»²⁸ и обязательный процесс духовного «перерождения» героя на Севере. Читаем в романе Новикова: «Нет в мире ничего страшнее, чем берег Белого моря. Бесстыжими пощёчинами наотмашь бьёт в лицо холодный ветер, несущий злые брызги

²³ Галимова Е. Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверхтекста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 125.

²⁴ Мальчуков Л. И. Немецкая мельница, карельское Сампо // Октябрь. 2015. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2015/12/nemeckaya-melnica-karelskoe-sampo.html> (13.06.2017).

²⁵ Новиков Д. Г. Голомяное пламя. С. 21.

²⁶ Там же. С. 28.

²⁷ Там же. С. 20.

²⁸ Иванова И. Н., Сазонова А. С. Геопозитика «новой северной прозы»...

дряг и неудач»²⁹. Бесспорно, суровые климатические условия закаляют характер. Вольно или невольно попавший на Север герой обретает желанное душевное равновесие и стойкость.

Север в произведениях новой северной прозы собирается как пазл из описания героев, отрывков их историй и отношения к этому пространству, Север представлен в образах, идеях, деталях. Автор «Голомяного пламени» использует различные приёмы: к примеру, обращается к описанию природных особенностей («Берега здесь скалистые, красного гранита — это если к северу, к Чупе да Керети ближе. На юг же пойдёшь, всё меньше открытого камня, всё ниже берег, только изредка среди болотины раскинется гладкое ущелье или лоб крутой упрямо набычится»³⁰), образа жизни людей («...дед с дядьями собираются на охоту...»³¹), чувств и впечатлений рассказчика от пребывания на Севере («И ветер мгновенно высушит набежавшую на глаза слезу — ты в который раз и вновь впервые почувствовал, что такое родина, что такое — Русский Север»³²). Как место действия выступает северный пейзаж также в повести «Праздник лишних орлов» Бушковского; карельская топонимика подчёркнута в рассказе Новикова «Муки-муки», где печально звучит песнь старой карелки. «Северное название» имеет журнал («Северные зори») в повести Жемойтелите «Смотри: ласточки прилетели». Художественный метод направления, реализм, диктует авторам внимательное отношение к деталям. Писатели не стараются создавать новые фантастические миры, обращаются к реальному материалу, используют административные и природные топонимы. Новиков в романе активно играет ойконимами, щедро рассыпанными по тексту, вынесенными в названия глав (с. Кереть, с. Сумской Посад, Петрозаводск), гидронимами («Первой весело прожурчит по камням Елгамка, потом спокойно пронесёт тёмные воды Идель, мрачной красотой глянет сквозь ели широкая Тунгуда, и совсем уж душу разорвёт надвое изменчивая Поньгома»³³) и микропонимами (урочища Кювиканда и Гремуча, Шарапов мыс).

«Широта возможностей реализма», по мнению Новикова, черпается из «самой окружающей нас жизни, которая даёт неисчерпаемые возможности для словесных полётов и душевной эквилибристики»³⁴. Художник слова размышляет об основополагающих установках, главных принципах неореализма, но определяет их

²⁹ Новиков Д. Г. Голомяное пламя. С. 22.

³⁰ Там же. С. 67.

³¹ Там же. С. 9—10.

³² Там же. С. 79.

³³ Там же. С. 26.

³⁴ Новиков Д. Г. В сетях Твоих. С. 283.

неуверенно через «поиск, отыскание, работу с мифом»³⁵. Дискуссии о «неореализме» не утихают в отечественном литературоведении и литературной критике.

По Новикову, неореализму присуща «вчувствованная внимательность к жизни, ко всем её светлым и тёмным проявлениям... Предельная, а порой и запредельная искренность, тяжёлое бремя обнажения души... Сопереживание, жалость, боль, иногда через отрицание их, но всё же имея пробуждение лучших чувств как конечную цель ...Незацикленность на простой описательности»³⁶. Пытаясь выразить неореализм в формуле, писатель приходит к следующему определению: неореализм — это «Радость. Боль. Жизнь»³⁷.

Не отрицая генетическую связь неореализма с предшествующими литературными направлениями, Новиков выдвигает основополагающий тезис, характерный и для новой северной прозы: неореализм «впитает в себя и нелёгкий опыт постмодернизма, без лишней, впрочем, увлечённости формальным конструированием абстрактных смыслов, уводящих в пустыню от живой, яркой, сочной, болезненной, непредсказуемой жизни»³⁸. Таким образом, в понимании Новикова, неореализм и провозглашаемая новая северная проза вбирают в себя не только ценностные установки традиционной линии развития отечественной литературы, но и открытия постмодернистского мировидения.

Здесь уместно определить современное содержание понятия «традиция». Как верно отметил доктор филологических наук О. Н. Складов, «в современном литературно-критическом и литературоведческом обиходе понятия “традиция”, “традиционность”, “традиционализм” зачастую употребляются нестрого и в силу этого приобретают самые разные, подчас противоположные коннотации»³⁹.

Во второй половине XX в. понятие «традиция» в литературоведении «оказалось почти полностью вытеснено всеобъемлющим понятием «интертекстуальность», поэтому в современную литературоведческую науку Складовым внедряется представление «об особой традициональной ценностной установке, предполагающей волю к связи, единству, свободному согласию перед лицом общей Истины и к утверждению безусловной значимости духовных накоплений человечества»⁴⁰.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 281.

³⁸ Там же. С. 280.

³⁹ Складов О. Н. Неотрадиционализм в русской литературе XX века: философско-эстетические интенции и художественные стратегии : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. URL: http://www.philol.msu.ru/~ref/2015/2015_SklyarovON_diss_10.01.08_32.pdf (16.06.2017).

⁴⁰ Его же. К вопросу о новом традиционализме в русской литературе XX в.: (Аксиологический аспект) // Известия Волгоградского педагогического университета. 2014. № 7 (92). С. 160, 161. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-novom-traditsionalizme-v-russkoy-literature-xx-v-aksiologicheskiiy-aspekt> (20.06.2017).

Топосы и художественные решения традиционалистской литературы имеют место и в нарративных стратегиях писателей новой северной прозы: переживание родных мест, тревога за их судьбу и судьбу человека и прочее. Однако в то же время писатели исследуемого нами направления отказываются от поиска идеального героя из народа, не видят «светлого будущего» Севера.

Говоря о жанровых предпочтениях авторов направления, отметим преобладание малой прозы (рассказов, повестей), однако и роман занимает в творчестве представителей новой северной прозы особое место. Новиков, признанный мастер рассказа, выпустил свой первый роман уже будучи опытным писателем. В 2016 г. он также выступил редактором «Альманаха новой северной прозы». В альманахе вошли произведения 13 писателей: из Карелии (В. Богомолов, А. Бушковский, Н. Веселова, А. Зорина, М. Каменецкая, Ю. Лугин, И. Мамаева, С. Могулов, Д. Новиков), Вологды (Н. Мелехина), Санкт-Петербурга (И. Пузырёв) и Москвы (Р. Сенчин, И. Кочергин)⁴¹. Примечательно, что особое место в альманахе отведено «Очеркам Кемского поморья» И. М. Дурова, написанным в 1924 г. и ставшим наравне со «Словарём живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» (1934 г.) источниками вдохновения и народной мудрости для автора «Голомяного пламени».

Произведения альманаха, как и зачинателей новой северной прозы, объединены идеями честности перед читателем, верой в силу языка и бережным отношением к традициям Севера и наследию предков. Полагаем, что под провокационным названием «новая северная проза», призванным привлечь внимание общественности к достойным писателям Севера и традиционным ценностям их творчества, скрывается синтетический подход к литературе, активное использование кодов других литературных направлений и текстотипологических систем. Изучение новой северной прозы показывает, что тематика, проблематика, идейное наполнение, конфликты, образная система в XXI в. «не исчезли, а лишь трансформировались в соответствии с новыми реалиями современной российской литературы и культуры начала XXI века»⁴².

Перспективным и плодотворным при этом представляется автору анализ отдельных текстов новой северной прозы, без которого картина современного отечественного литературного процесса будет не полной.

⁴¹ Альманах новой северной прозы / авт.-сост. Д. Новиков. Петрозаводск, 2016.

⁴² Иванова И. Н. Деревенская проза в современной отечественной литературе. С. 94.

Список литературы

Альманах новой северной прозы / авт.-сост. Д. Новиков. — Петрозаводск : Verso, 2016. — 255 с.

Бушковский, А. С. Два рассказа / А. С. Бушковский [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazines.russ.ru/october/2016/7/dva-rasskaza.html>. — (20.09.2017).

Бушковский, А. С. Радуйся! : повесть и рассказы / А. С. Бушковский. — Петрозаводск : Verso, 2013. — 230 с. — (Библиотека северной прозы).

Галимова, Е. Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверхтекста / Е. Ш. Галимова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 1. — С. 121—129.

Гурылёва, В. В. «Деревенская проза» в творчестве Бориса Жилина / В. В. Гурылёва // Вестник АГТУ. — Астрахань : Астраханский государственный университет, 2006. — № 5 (34). — С. 144—150.

Ермолин, Е. Ночи и дни окном на полюс / Е. Ермолин // Октябрь. — 2016. — № 7. — С. 3—7.

Иванова, И. Н. Деревенская проза в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка? / И. Н. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 2 ч. — Тамбов : Грамота, 2013. — № 6 (24). — Ч. I. — С. 88—94.

Иванова, И. Н. Северный текст в современной отечественной прозе: версия Дмитрия Новикова / И. Н. Иванова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1—2. — URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20220>. — (12.06.2017).

Иванова, И. Н. Геопоэтика «новой северной прозы» в современной отечественной литературе [Электронный ресурс] / И. Н. Иванова, А. С. Сазонова. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoetika-novoy-severnoy-prozy-v-sovremennoy-otechestvennoy-literature>. — (17.06.2017).

Калачева, В. Новая северная проза как неизбежная реальность [Электронный ресурс] / В. Калачева. — URL: <https://gazeta-licey.ru/blogs/valentina-kalacheva/48870-novaya-severnaya-proza-kak-neizbyivnaya-realnost>. — (13.06.2017).

Копцов, А. Н. Поэтика северного текста русской литературы в рассказах А. С. Серафимовича 1889—1890-х годов / А. Н. Копцов // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2015. — № 6. — С. 77—81.

Лошаков, А. Г. Об авторской парадигме сверхтекстов / А. Г. Лошаков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 12 (67). — С. 50—57.

Мальчуков, Л. И. Немецкая мельница, карельское Сампо / Л. И. Мальчуков // Октябрь. — 2015. — № 12. — URL: <http://magazines.russ.ru/october/2015/12/nemeckaya-melnica-karelskoe-sampo.html>. — (13.06.2017).

Новиков, Д. Г. В сетях Твоих / Д. Г. Новиков. — Петрозаводск : Verso, 2012. — 284 с.

Новиков, Д. Г. Предисловие / Д. Г. Новиков // Бушковский А. С. Радуйся! : повесть и рассказы / А. С. Бушковский. — Петрозаводск : Verso, 2013. — С. 3—4.

Новиков, Д. Г. Голомяное пламя / Д. Г. Новиков // Октябрь. — 2016. — № 7. — С. 8—107.

Скляр, О. Н. К вопросу о новом традиционализме в русской литературе XX в.: (Аксиологический аспект) / О. Н. Скляр // Известия Волгоградского педагогического университета. — 2014. — № 7 (92). — С. 159—164. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-novom-traditsionalizme-v-russkoy-literature-xx-v-aksiologicheskii-aspekt>. — (20.06.2017).

Скляр, О. Н. Неотрадиционализм в русской литературе XX века: философско-эстетические интенции и художественные стратегии : дис. ... д-ра филол. наук / Скляр О. Н. — Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014. — 503 с. — URL: http://www.philol.msu.ru/~ref/2015/2015_SklyarovON_diss_10.01.08_32.pdf. — (16.06.2017).